

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ОТЦЫ и ДЕТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки *Анастасии Чаругиной*

Андреева, Наталья.

А65 Отцы и дети / Наталья Андреева. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-090219-4

Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов окончили медицинский институт. Впереди блестящие перспективы, надежды, планы. И надо бы отметить это знаменательное событие громкой пирушкой в ночном клубе! Но судьба именно здесь круто изменила их жизнь, завалив широкую дорогу в будущее рухнувшей стеной чужой жизни.

Выкручивайтесь, студенты! Или бегите за помощью к отцам...

Этот роман — дань уважения великому русскому классику.

Возможно, именно такими были бы его герои в современном мире. А конфликт отцов и детей — тема вечная... она требует постоянного продолжения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090219-4

© Андреева Н., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Моим читателям

Пожалуй, ни один мой роман не вызвал столько споров и не собрал столько восторженных и критических отзывов, как «Метель». В самом деле, зачем надо переписывать классику? И почему, спустя столько лет, я вновь обратилась к этой теме и написала роман «Отцы и дети»? Во-первых, я считала, что за мной должок. На презентации «Метели» один дотошный журналист, который явно осуждал меня за такое неуважительное отношение к классике, довольно ехидно спросил:

— А из «Отцов и детей» Тургенева тоже сможете сделать детектив?

На что я, не моргнув глазом, ответила:

— Легко!

И сделала-таки!

Другая причина — это вечная тема отцов и детей. У меня тоже есть взрослый сын, и, разговаривая с ним, я понимаю, какие же мы разные, и не только им у нас, но и нам у них есть, чему поучиться. Если в «Метели» моей задачей было просто «расписать» очаровательную историю любви, то роман «Отцы и дети» — это почти что новая история, и не только о любви, а о времени, в котором мы сейчас живем и в которое я перенесла знакомых всем героев.

Надеюсь, всем поклонникам моей «Метели» роман «Отцы и дети» тоже понравится, а что касается споров и критики... Однажды я уже это пережила и, как видите, не потеряла охоты к новым экспериментам. Лишь бы моим читателям было интересно и они не пожалели о потраченном времени.

Ваша Наталья Андреева

Переписка на сайте

Оксана С.

Наталья, здравствуйте! Пишем с учениками работу по литературе «ремейк» — в качестве примера хотим сравнить Вашу «Метель» с «Метелью» Пушкина. Будем благодарны за информацию об истории написания и замысле произведения.

24.01.2012

Наталья Андреева: Здравствуй, Оксана! С большим удовольствием отвечаю на ваш вопрос. О том, что классика вечна и у Пушкина можно найти ответ на все, говорят постоянно, особенно в связи с приближающимися юбилеями. Мне же хотелось показать, в чем именно это заключается? И я переместила героев Пушкина в наше время, развила сюжет,

добавила детективную интригу. Чтобы у тех, кто прочел «По вести Белкина» в школе, появилось желание их перечитать, а у тех, кто счел это скучным и просто «сдал», прочитать. «Метель» лично мне нравилась больше всего, и, пролетев эти несколько страниц, я все время сокрушалась: что ж так мало? Вот так и родилась идея сделать ремейк. Если будут еще вопросы, задавайте. Тема очень интересная.

Оксана С.

Наталья, большое спасибо за ответ и интерес к нашему исследованию, в ходе которого возникли новые вопросы. Пользуясь Вашим разрешением, прошу ответить на следующие вопросы:

1) Что было первостепенно при работе над «Метелью»: сюжет Пушкина, его стиль, пафос или что-то другое?

2) Каковы были особенности работы над романом, учитывающая специфику жанра — ремейк?

3) Считаете ли Вы Вашу «Метель» ремейком?

25.01.2012

Наталья Андреева: Я искренне рада, Оксана, что предметом вашего исследования стала моя книга.

1. В работе над «Метелью» меня в первую очередь интересовал сюжет, его развитие. Копировать пушкинский стиль, я думаю, занятие неблагодарное. Это уже будет больше похоже на пародию, чем на ремейк.

2. Что касается особенностей работы, то одно могу сказать: писалось легко. Надо только было придумать обстоятельства, при которых герои нашего времени могли бы оказаться в метель в деревянной церкви, да еще и при скудном освещении. Так родилась история первой неудачной любви Маши, обман, в результате которого она оказалась ночью в степи и заплутала. То есть в отличие от первоисточника мои главные герои пришли к браку уже «с багажом». Это и должно, на мой взгляд, показать отличие девятнадцатого века от века нынешнего, свободу нравов, географию, если хотите. Свободу перемещения. Немыслимо ведь представить, что во времена Пушкина молодая женщина одна едет через всю страну. И что она сделала какую-то там карьеру, то есть стала независимой и самостоятельной.

3. А почему бы и нет? Хотя нам, писателям, трудно квалифицировать то, что мы делаем. Я писала просто книгу и, если честно, не думала, что именно она вызовет такой резонанс. Одни отчаянно ругают, другие отчаянно хвалят, некоторые вообще говорят, что это плагиат. Поэтому лучше сказать — ремейк. Я ведь название не меняла, эпиграф поставила. Прямой посыл к Пушкину: читайте.

Человек все в состоянии понять — и как трепещет эфир, и что на солнце происходит, а как другой человек иначе сморкается, чем он сам сморкается, этого он понять не в состоянии.

И.С. Тургенев «Отцы и дети».

I

— Да, как и везде, — пожал плечами Женька Базаров и воинственно подтянул сползшую резинку, стягивающую его длинные темно-русые волосы в хвост.

Аркадий больше всего опасался за эту резинку, черную, аптекарскую, какой провизоры перетягивали когда-то обернутое пергаментом горлышко пузырька с микстурой, приготовленной по рецепту врача старой, советской еще, закалки. И где, интересно, Женька ее раздобыл, эту резинку? Семейная реликвия, что ли? Годами хранилась, пока Базаров волосы не отрастил.

Все у них с Женькой было о'кей: лакшери-прикид, точило премиум-класса, наглость, свойственная завсегдаям элитных ночных клубов, хотя Базаров их и не жаловал. Зато наглости и цинизма ему было не занимать. Иное дело Аркаша Кирсанов, мальчик из очень обеспеченной семьи, коренной москвич, яркий представитель «золотой молодежи». Ночные клубы были неотъемлемой частью его жизни.

По случаю окончания медицинского института и получения вожделенных дипломов, за которые они бились шесть лет, Аркаше удалось-таки заттащить лучшего друга в клуб, причем в один из

самых престижных. Аркаша надеялся произвести на Женьку впечатление. В чем-то же Кирсанов должен быть первым! Хотя бы по части развлечений. По тому, как Базаров потрогал резинку, словно бы проверяя ее на прочность, Аркаша понял, что лучший друг все-таки нервничает.

— Ну что, выпьем? — бодро предложил Аркаша.

Слава богу, в клуб их все-таки пустили, несмотря на эту чертову резинку, фейсконтроль на входе был жестким. Но машина Кирсанова произвела впечатление: дабы ознаменовать окончание балбесом Аркашей медицинского вуза, дядя отдал ему свой «Инфинити»-трехлетку, а сам купил новенький «Ленд-Крузер». Подъехали они с шиком, одеть Женьку подобающим образом Аркаше тоже удалось. За исключением резинки. Ну почему, черт возьми, не подстричься? Длинные волосы давно уже не в моде. Но Женька упрям, как осел. Да и волосы у него, надо признаться, хороши, густые, на концах чуть выющиеся. Без них его худое лицо с зеленоватыми глазами и заостренным книзу носом выглядело бы совсем уж простенько.

Сам Аркаша считался красавчиком. «Вот такие и рождаются из пены гламура», — пошутили как-то про него на курсе, и прижилось. «Пена гламура» представляла собой отличную квартиру в сталинке на Соколе, дедушку-генерала, к сожалению покойного, и дядю — подполковника ФСБ, правда, уже в отставке. Но Павел Петрович Кирсанов без проблем устроился консультантом в частный банк, вошел в правление, вместе со своими обширными связями и огромным опытом работы, и, в конце концов, практически подмял всех под себя. Мужчина он был волевой, решительный, а главное, всех на Москве знал, и его все знали, как человека дела,

слова и чести. Детей у Павла Петровича не было, зато имелся любимый племянник, продолжатель славного рода Кирсановых. Аркадий, таким образом, получал при помощи влиятельного дяди все, что хотел.

Да, имелся еще и папа-писатель. Как, морщась, говорили Кирсановы, в семье не без уродца. Николай Петрович тоже должен был стать кадровым военным, но аккурат перед врачебной комиссией умудрился сломать себе ногу, да так, что на всю жизнь остался хроменьким. Поступил он в Университет, на филологический, защитил кандидатскую, начал было потихоньку подбираться к докторской, а потом вдруг вздумал совмещать преподавательскую и научную работу с графоманством, пописывать ставшие модными детективчики. Сюжеты ему подбрасывал старший брат, он же следил за тем, чтобы все было пристойно. Фамилию Кирсановых позорить негоже.

В общем, семья Аркадия не бедствовала в отличие от Женькиной. Базаров был на пять лет старше, родился и учился в провинции, в медицинский поступал сам, без протекции и взяток, поскольку ни денег, ни связей у его родителей не было. Поэтому Женька прошел весь путь, от начала до конца. Сначала медколледж, потом работа санитаром, армия, вновь работа, теперь уже фельдшером на «Скорой», и, наконец, долгожданное зачисление в знаменитый Первый мед. Базаров всегда хотел самого лучшего и упрямо добивался этого. Аркаше, которого «поступили», было немного стыдно, что его собственная жизнь складывалась так гладко. Поэтому он слегка заискивал перед Женькой Базаровым и все расходы старался брать на себя.

Сегодня они решили оторваться.

— Текилы! — потребовал Аркадий у официанта, едва они уселись за столик.

— А что? Давай! — поддержал друга Женька. — Хотя лично я предпочитаю чистый медицинский. Но здесь его, кажись, не наливают. Или наливают? — Он оглянулся по сторонам. — Любой каприз за ваши деньги, так я понимаю?

— Скажешь тоже! Пить спирт в ночном клубе! Мы же тут на отдыхе, а не на работе!

— И пожрать что-нибудь закажи, — небрежно сказал Женька. — Побольше, не стесняйся. Мы с тобой сегодня не обедали.

Аркадий согласно кивнул. Пока несли заказ, Базаров присматривался к публике, примерял на себя этот самый московский гламур. И понял: надо выпить. А то пресловутый гламур для господина Базарова мелковат. Чтобы снизить до всех этих бездельников и дышать одним с ними воздухом, надо надраться.

— За диплом! — первым поднял он наполненную до краев рюмку.

— За диплом! — поддержал его Аркадий.

— Эх, если бы ты знал, чего мне это стоило! — сказал Женька, махнув рюмку текилы и тут же, не закусывая, вторую. — Я шел к этому десять лет! Ты только подумай! Десять лет! И вот оно, свершилось! — Он счастливо рассмеялся.

— Зато теперь тебя сам Покровский берет к себе в интернатуру. А он хирург от бога. Ты — единственный, кого он взял.

— Вот отдохну месяцок, законный свой отпуск, заслуженный, маманю с папаней навещу, — и вперед! Пахать, пахать и пахать. Вот увидишь, я стану хирургом не хуже Покровского!

— Кто бы сомневался? Ну а я к наукам не способный. Пойду в педиатры. С детьми как-то проще. У них все еще такое маленькое... — Аркадий сразу захмелел. Попахать, чтобы получить

диплом, пришлось изрядно. Деньги деньгами, но берут далеко не все. Хоть на троечку, да вызубрить надо. Осечки дядя Паша не простил бы. Столько денег вложено!

Женька же, выпив, набросился на горячее. Он вообще любил поесть, говорил в шутку, что в детстве его плохо кормили.

— Это вы, москвичи, зажравшиеся, — и он добродушно хлопал Аркашу по плечу. — А у нас и яблоки за счастье.

— Чего ты врешь! Нормально провинция живет!

— А ты съезди да посмотри.

Базаров и впрямь был худым, что при его высоком росте особенно бросалось в глаза. Поджарый, постоянно нацеленный на бросок, язвительный и безжалостный. А кто, разозлившись, отвечал кулаками, натыкался на глухую защиту, пока не образумится. Женька не очень-то любил пускать в ход руки, считая, что это удел низших существ, но о том, что он КМС по боксу все очень быстро узнали. Пара стычек — и вопрос был закрыт. Отныне связываться с Базаровым мало кто решался. Поэтому Аркадий такой дружбой гордился, хотя втайне подозревал, что Женька его использует. Вот и сейчас они жили в сталинке у Кирсановых, Женька не очень-то спешил увидеться с родителями. Отец же Аркадия почти безвылазно находился на даче, с тех самых пор, как его сожительница родила ребенка. Кирсанов-младший чувствовал себя неловко, они с Фенечкой были ровесниками. И вот нате вам! Братец! Младенец! И что с ним прикажете делать? Аркадий Кирсанов хоть и собирался стать педиатром, но к маленьким детям относился с опаской.

Поев, Женька хищным взглядом нацелился на танцпол. Понятно: девочку хочет снять. А выбрать есть из кого. Ничего себе даже есть девочки, и все

доступные, за тем и пришли: оторваться, познакомиться, приятно провести вечер, а потом и ночь. Пресыщенный же клубами Аркаша, который уже успел изучить контингент, почувствовал, что от текилы размяк и спать хочет больше, чем танцевать. Последняя сессия далась ему невероятно тяжело. Если бы не Женька, не видать бы Аркаше диплома. Кирсанов не выдержал и зевнул.

— Пойдем, умоешься, — потянул его за рукав Женька.

Кирсанов не стал сопротивляться. Надо бы и в самом деле освежиться.

— Как дела, мужики? — встретил их у туалета вертлявый парень с бегающими глазами. Мочки его ушей были сплошь истыканы сережками, кудрявые мелированные волосы смотрелись так, будто на голову парню опрокинули миску вермишели и она стекла по впалым щекам до самой шеи.

— Нормально, — процедил Базаров.

— Взбодриться не желаем? — подмигнула им «вермишель».

— А что у тебя? — подался вперед Аркадий.

— А ну-ка, сдай назад. — Женька, как щенка, взял его за шкирку. — Отвали, мужик.

— Нет, я бы и в самом деле взбодрился! Амфитаминчики там...

— Есть, есть, — закивал вертлявый.

— Отвали, я сказал. — И Женька толкнул Кирсанова к двери в мужской туалет. — Умоешься и проснешься.

Какое-то время Аркадий, плеская в лицо холодной водой и отфыркиваясь, висел над раковиной. Вроде бы сонливость прошла. Выйдя из туалета, они опять столкнулись с торговцем наркотой. Он обрабатывал смазливую брюнетку с носиком-пупочкой, по виду студентку-первокурсницу. Базаров хмыкнул, но мешать сделке не

стал. Девушка стрельнула в них глазами, оценивая, и призывно улыбнулась. Но Базаров равнодушно прошел мимо.

— Ты чего? Зачетная телочка, — сказал ему в спину Аркадий. — На твердую четверку. Если бы не нос — поставил бы ей все пять.

— Она не одна, — не оборачиваясь, ответил Женька. — С подружкой. А с ними парень. Я не хочу разбираться, кто с кем. Пусть сначала сами с собой разберутся, а то, по виду, у них там жарко.

— А может, у них любовь втроем? — рассмеялся Аркадий.

— Я вижу, ты так и не протрезвел. А жаль. Хотел предложить тебе выпить. — Женька сел и тут же потянулся к бутылке с текилой. — Но, видимо, придется одному.

— Я в порядке! — торопливо сказал Кирсанов. — Наливай!

Дальнейшее он помнил смутно, все было как в густом тумане. Они с Женькой пили текилу, потом дергались на танцполе, пока подружка «пупочки» не затеяла свару. Девушка вот уже полчаса вела себя неадекватно, глаза у нее были шальные, руки заметно подрагивали. Она металась по танцполу, словно выискивая жертву, пока не сцепилась с кем-то.

— Наверняка обдолбанная, — поморщился Женька и небрежно бросил Кирсанову: — Идем. Пора сваливать.

— Все еще только начинается! — попытался протестовать Аркадий. — До утра далеко!

— Мы оба устали. Отметим! — и будет. — Женька зашарил по карманам, ища сигареты.

— С-с-сейчас... Я только в сортир забегу.

— Придется пойти с тобой. Станешь блевать — я тебе голову подержу, чтобы не захлебнулся рвотными массами. Я же теперь врач.

— Чтобы я блевал от текилы! Да никогда!

У туалетов их чуть не сшибла с ног «пупочка». Во взгляде у нее был страх, подбородок дрожал.

— Там... Там... там... С Ритой плохо!

— С какой Ритой? — тупо спросил Аркадий.

— С моей подругой! Она лежит на полу в туалете! Господи, что мне делать?!

— Девочка, а ты в курсе, что наркотики убивают? — прищурившись, спросил Базаров.

— Я не знаю, что с ней! Она какая-то странная! Помогите, прошу вас!

— Ладно, идем. Тебе повезло: мы с другом врачи.

— Женька, стой! — заорал Аркадий. — Мы ж бухие!

— Врач должен уметь оказывать первую медицинскую помощь в любом состоянии, — наставительно сказал Базаров и решительно шагнул в женский туалет. Аркадий видел, что друг тоже перебрал. Будучи пьяным, Женька особенно тщательно проговаривал слова и ходил так, словно аршин проглотил.

— Лучше вызвать «Скорую». Не надо ее трогать, — залепетал Кирсанов, но Женька не слушал.

Девушка, очень бледная, в рваных над коленками джинсах и осыпанной стразами футболке, лежала в туалете, под раковиной. Спутанные длинные волосы почти полностью закрывали лицо. Блондинка находилась в сознании, но по ее состоянию было видно, что ей очень плохо.

— Пила? Ширялась? Что именно приняла, говори! — потрянул ее Женька. Девушка бессвязно что-то залепетала. Взгляд у нее был в никуда.

— Все понятно: передозировка наркотиками, — Женька нагнулся и осмотрел ее руки. — Чисто. Не кололась. Значит, пила таблетки. Надо сделать промывание желудка. Дуй за водой, — велел он Аркадию. — Без газа. И солонку принеси.

— З-зачем?

— Вода с солью — отличное средство. Промоем ей желудок, и будет как новенькая.

Аркадий, плохо соображая, что происходит, метнулся в зал, за водой и солью. Был самый разгар веселья, и в сутолоке на Кирсанова никто не обращал внимания. Только взволнованная подружка блондинки схватила его за руку и жадно спросила:

— Ну, как?

— С-сейчас все будет, — пьяно сказал Аркадий и пошел выполнять распоряжения Базарова.

Когда блондинка пила третий стакан, она вдруг начала захлебываться, глаза закатились, и вместо того, чтобы нагнуться над унитазом и очистить желудок, девушка внезапно захрипела и потеряла сознание.

— Что за черт? — пробормотал Женька. — А ну-ка, поддержи ее!

Аркадий неловко перехватил блондинку за талию, и в этот момент сверкающая стразами футболка задралась. Аркадий от испуга икнул.

— Женька! Гляди! У нее на животе следы от укулов!

— Б...! — Базаров враз протрезвел.

— Она диабетик! Инсулин колют в область живота, так он быстрее всасывается! Подкожные инъекции инсулина, вот что это такое! Это не наркотическая кома, а диабетическая! Женька! Ты же ее убил!

— Спокойно, спокойно... — пробормотал Базаров, пытаюсь привести девицу в чувство.

— При диабетической коме ни в коем случае нельзя давать больному пить! Потому что вся жидкость мигом оказывается в легких! Господи! Она же умирает!!!

— Заткнись!

— Оставь ее! Бежим! Женька, бежим!

